

сение. Для нас, к счастью, все обошлось благополучно, и мы в 9¹/₂ часов вечера добрались невредимыми до Сарыбулакского пикета, отстоявшего с небольшим в 50 верстах от Копала, и я ночевал в чистой и просторной комнате на этом пикете.

Выехав на другой день (25 августа) рано поутру из Сарыбулака, я доехал верст через пять до реки Каратала, одной из значительнейших рек Семиречья, которая, только что вырвавшись здесь из стеснявшей ее горной долины, неслась через скалы и камни, разбиваясь на множество рукавов и образуя многочисленные пороги. Броды через реку были здесь затруднительны, вследствие необыкновенной быстроты двух главных рукавов Каратала. Для удобства переправы дорога поднималась вверх Каратала верст на двадцать до вновь основанного Карабулакского пикета, в то время еще не совсем достроенного и состоявшего из группы временных юрт. Что меня поразило на этом пикете, это то, что обыкновенно все пикеты, много лет существовавшие, были расположены на совершенно обнаженной поверхности, и никаких деревьев около них насажено не было, а здесь я увидел, что около недостроенного ещё пикета был целый садик. Но пришлось очень скоро разочароваться: садик этот состоял из довольно больших деревьев, привезённых из Каратальского ущелья и натканных в землю в виде садика только по случаю моего проезда, что объяснялось тем, что перед моим приездом в Копал пронёсся слух, что едет из Петербурга ревизор, который обращает особое внимание на растущие везде травы и деревья, почему и называется «министром ботаники». Слух этот был основан на том, что я был назван в открытом листе, данном мне Русским Географическим обществом, магистром ботаники, и ещё более укрепился тем, что Абакумов после моего первого посещения Копала сделал распоряжение, впоследствии вполне удавшееся, чтобы пикеты обсаживались деревьями.

Прежняя пикетная дорога от Копала в Верное выходила на Каратал в Каратальском пикете, находившемся в восьми верстах от нынешнего Карабулакского пикета, выше по реке Караталу, в самой долине реки. Пикет был перенесён в Карабулак, а на прежнем его месте на правом берегу Каратала осталось оседлое казачье поселение—хутор, в местности, богатой сенокосами, в которых у Копала ощущался недостаток. Вблизи этого хутора на обоих берегах реки возникли оседлые поселки так называемых чолоказаков. Под именем чолоказаков разумелись здесь такие выходцы из Ташкента, которые основывали оседлые поселения в степи, взяв себе в жены киргизок. В конце сороковых годов такие поселки чолоказаков стали возникать и на Каратале. Посёлки эти состояли из тщательно выбеленных мазанок с плоскими крышами и печами, приспособленными для зимнего пребывания выстроивших их чолоказаков, которые обзавелись киргизскими жёнами тем же путем, каким римляне похитили сабинянок. Казаки называли эти посёлки «курганами» и очень хвалили умелость их жителей не только в полевых работах, ирригации и скотоводстве, но и в садоводстве и строительстве. Во главе одного из этих